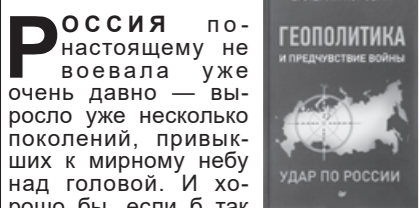

АПОСТРОФ

Валерий КОРОВИН "Геополитика и предчувствие войны. Удар по России". — СПб.: ИД "Питер", 2018. — 288 с.

РОССИЯ по-настоящему не воевала уже очень давно — выросло уже несколько поколений, привыкших к мирному небу над головой. И хорошо бы, если бы так всё и оставалось... но, к сожалению, если б человечество могло прекратить войны, оно бы давно это сделало. И, конечно же, — "хочешь мира — готовься к войне".

Международная напряжённость растёт. То тут, то там вспыхивают "цветные революции", и волна этого управляемого хаоса докатилась до границ России. Воюющие в Сирии боевики с Северного Кавказа уже возвращаются домой — обученные, с опытом реальной войны. Что-то страшно надвигается на нашу страну, и элиты, и население которой боятся задать себе вопрос: а что если завтра — война?.. И в ужасе смотрит на Донбасс, Сирию... По мнению геополитика и евразийца Валерия Коровина, автора вышедшей в издательстве "Питер" книги "Геополитика и предчувствие войны. Удар по России", в ближайшие годы нас ждёт столкновение с США, которому будет предшествовать всё тот же хорошо известный, тщательно управляемый хаос, но теперь уже на территории России. А сама территория будет становиться всё меньше...

Такие события не происходят на пустом месте. У них множество предпосылок, одна из которых — позиция руководства нашей страны. Прошлые России — отвергнутое, настоящее — невыносимо, будущее — непредсказуемо. Нынешний неопределённый статус России — это и есть главная угроза потери ею своей идентичности и суверенитета. Непоследовательность действий России позволила США разгромить Сербию, вторгнуться в Афганистан, Ирак, Ливию, лишить суверенитета Египет, взорвать Сирию и присутствовать в Закавказье, неумолимо продвигаясь к нашим границам. Против России используется "стратегия анаконды" — постепенного "удушения", и она близка к завершению. А наше противодействие, хотя в случае с Сирией всё делается безупречно, явно недостаточно.

Книга-предупреждение Валерия Коровина написана ярко и аргументированно. По сути, автор утверждает, что Третья мировая война уже идёт, и конечной целью главного агрессора — США — является Россия.

Довольно неожиданно для данного автора книга начинается с литературного вступления, красочно и в деталях описывающего момент военного удара по России со стороны коалиции западных стран во главе с США. Описываемые события происходят в недалёком будущем, что вызывает ощущение ещё большей тревоги у ныне живущих.

В последующих главах описываются провалы российской внешней политики последних лет, особенно в период президентства Дмитрия Медведева, внешнеполитические шаги и решения, которые способны привести к описанным выше катастрофическим последствиям.

Отдельная глава в книге Коровина затрагивает тему волны арабских революций в странах Магриба и Ближнего Востока и описывает в данном контексте ошибки и просчёты российского политического руководства того периода, возможные последствия для России и стран ближневосточного региона. Также отдельными главами описаны взаимоотношения России со странами СНГ в рамках интеграционных объединений, сделано обзорное описание внешней политики последних десяти лет, с акцентировкой внешнеполитических просчётов, способных привести к описанному во введении катастрофическим событиям.

Книга изобилует жёсткими, порой бескомпромиссными выводами автора, не скрывающего своих имперских, евразийских взглядов. По мнению автора, одной из главных угроз российской государственности является идеология либерализма и её носители, разрушающие суверенитет и обороноспособность России на протяжении последних двадцати лет, доказательством чему автор приводит многочисленные примеры.

"Я считаю, что книга Валерия Коровина "Геополитика и предчувствие войны" является прекрасным результатом некоего почти алхимического сочетания политической воли, интеллекта, направленного на понимание мира, и понимания тех задач, к которым эта воля может быть приложена для изменения мира в лучшую сторону, — утверждает журналист, политолог, и известный общественный деятель Максим Шевченко, тут же задаваясь вопросом: что значит в лучшую? — Валерий Коровин, безусловно, традиционалист. Он стоит на позициях защиты человеческого в том понимании, в каком человеческое имеет высший смысл, выходя за рамки чисто биологического. И эта интерпретация приводит его и к серьёзным масштабным геополитическим концепциям, к пониманию связи человека со временем, пространством, и в какой-то мере с вечностью. Я рекомендую книгу Валерия Коровина "Геополитика и предчувствие войны" каждому, кто любит Россию, кто боится за Россию, каждому, кто хочет не только спасения души, что является самым главным, но и осмысленной политической борьбы ради того, чтобы в этом мире восторжествовали правда Божия и истинное человеческое служение".

Новая книга Коровина — это своего рода предупреждение о том, что если провал российской внешней политики прежних лет продолжится и дальше, удара по России избежать не удастся.

И глядя на изменения внешнеполитических позиций, происходящие с момента возвращения Владимира Путина на президентский пост, создаётся ощущение, что алармистские призывы автора к российским политическим элитам возымели своё действие. Главное, чтобы необходимые меры не были приняты слишком поздно...

Наталья ЕВГРАФОВА

ВСЯ ЭТА ИСТОРИЯ не могла закончиться хорошо, в духе русских народных сказок или голливудского "хэппи-энда". Впрочем, она и не закончилась.

Два великих отечественных поэта — Сергей Есенин и Марина Цветаева — погибли в петле. Самоубийство? Да ещё таким образом — самым жутким вообще, а особенно для поэта, человека, который когда дышит — поёт?

Да, "воздуха" поэту может не хватать. По самым разным причинам. Александр Блок незадолго до собственной смерти тосковал, что "перестал слышать музыку", и в последней своей речи говорил, что "Пушкина убило отсутствие воздуха". Какая может быть музыка, какая песня, какие стихи могут звучать в безвоздушном пространстве? И зачем поэту жить без них? Но это — другое. Это — не самому повеситься.

И если в случае с Есениным факт самоубийства всегда оспаривался, то в случае с Цветаевой — нет. Ещё бы — ведь сразу три предсмертные записки. В одной из них, адресованной сыну Георгию (Мурз), тогда шестнадцатилетнему: "Я тяжело больна, это уже не я... я больше не могла жить... попала в тупик". В другой, Асеевым: "Не вынесла...". В третьей, эвакуированным соседям: "Не похороните живой. Хорошенько проверьте".

Тем не менее в 1990 году новоизбранный патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил — почти через полвека после смерти — отпеть Марину Цветаеву, хотя отпевать самоубийц запрещено церковным каноном, а на вопрос о причине такого решения ответил: "Любовь народная". Времена были хотя и перестроенные, но всё же советские, сугубо атеистические, церковь ещё отделена от государства, так что вопрос прошёл под сурдинку, но всё же поставил самоубийство Цветаевой под знак вопроса.

И предсмертные признания её читаются сегодня словно аллюзии на смерть любимого Цветаевой Пушкина (помните лермонтовское "Не вынесла душа поэта..."?) и Гоголя (которого, согласно легенде, похоронили живым).

Важно ли всё это? Чем нам сегодня может быть интересна и зачем нужна история жизни, творчества и смерти Марины Ивановны Цветаевой (1892-1941)? Всего лишь одной — пусть яркой и необычной — поэтической "звёздочки" в художественной плеяде русского Серебряного века?

"Если звёзды зажигают, значит — это кому-нибудь нужно?" — некогда спрашивал Владимир Маяковский. Жаждают — да. А вот гаснут они — сами? Или тоже — когда кому-нибудь нужно?

*И кровь прилиwała к коже,
И кубри мои вилсь...
Я тоже — была, прохожий!
Прохожий, остановись!
Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и реально.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь, с её насущным хлебом,
С забычеюстью дня.
И будет всё — как будто бы под небом
И не было меня!*

Нет, эти стихи — не просто набор красиво звучащих слов и даже не "памятник нерукотворный". Они сами по себе — уже бессмертие. Марина Цветаева — была, есть и будет, пока люди живут, любят, страдают, надеются на счастье. Не больше, но и не меньше того.

"Цветаева превратила истерику в поэзию, а поэзию — в истерику"? Можно сказать и так — ведь никто до неё (да и после неё) не писал по-русски с такой неизбывной отчаянной страстью, захлёбываясь анжамбеманами внутри классической силлабо-тоники. Ну, разве что Владимир Высоцкий, разве что... Да и то — когда выходил из роли (он же был актёр, и актёр прекрасный, он умел это делать) в бесконечное пространство и время России. А Марина Цветаева там жила и там умирала — для неё это было одно и то же, нераздельно и неслиянно... Юная, она молила Бога: "Ты дал мне детство лучшие сказки и дай мне смерть в семнадцать лет!".

Но то, чего мы, как нам кажется, хотим, и то, чего от нас хочет Бог, — редко для кого совпадает. Хотя истинные наши желания всегда исполняются. Понять это тяжело, принять — ещё тяжелее. И этот путь неприятия, "жестокое мятежа" и связанных с ним страданий стал личным выбором Цветаевой. Вполне осозанным, кстати. Что в юности, "дома":

*Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду ерешить — как ерешу —*
*как ерешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!
Други! Сообщники! Вы, чьи наученья — жагуи!
Вы, сопоступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи,-
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!*

*Что в зрелости, в эмиграции:
О, чёрная гора,
Затмившая весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей...
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твоей безумный мир
Ответ один — отказ.*

*Вся жизнь — как один мятеж:
Ночи без любимого — и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,*

*Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть...
Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на тёмном, на косноязычном
Языке людском зовётся — Жизнь.*

*Вчера ещё в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера ещё до птиц сидел, —
Всё жаворонки нынче — вороны!
Я алупая, а ты умён,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времён:
"Мой милый, что тебе я сделала?!"
И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах улылась!
Не мать, а мачеха — Любовь!
Не ждите ни суда, ни милости.
Уеззят милых корабли,
Уеодит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
"Мой милый, что тебе я сделала?"...
Детомубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
"Мой милый, что тебе я сделала?"
Жить приучил — в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе я сделала?*

"Детомубица"... Это брошенная ею двухлетняя Ирочка, умершая в феврале 1920 года от голода в Кунцевском детском приюте, когда у её мамы подходил к концу многолетний роман с Осипом Ман-

Владимир ВИННИКОВ

«ЖЕСТОКИЙ МЯТЕЖ...»

К 125-летию Марины ЦВЕТАЕВОЙ

дельштамом, — вечный укор, и память, и потеря: не первая и не последняя, но самая невозвратимая в бесконечной череде потерь...

Этот богоборческий мятеж был характерным знаком всей эпохи, в литературе получившей — с лёгкой руки Анны Ахматовой — имя "серебряного века". Что такое Серебряный век? Это не отечественный вариант шпенглеровского "Заката Европы" — без надежды на расцвет, и ницшеанского "Бог умер" — без надежды на воскресение. Это — когда долго-долго поднимался в гору и, оглядываясь назад, видишь весь пройденный путь, во всех его подробностях, но впереди — пропасть, и всё это прошлое, даже самое любимое и родное, уже не имеет никакого значения. Кроме твоего сердца. Где всё по-прежнему, хотя всё изменилось...

Да, она заблудилась (во всех смыслах этого слова, и нить Ариадны, старшей дочери, тоже была выпущена из рук) в Серебряном веке — том самом, о котором так красиво ностальгировал на заре "рыночных реформ" русско-молдавский "архикардинал Ордена кулуазных маньеристов" Виктор Пеленягрэ:

*"Балы, красавицы, лакеи, юнкера,
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки,
Любовь, шампанское, закаты, перерулки,
Как упоительны в России вечера!"*

Что ж сегодня, когда вокруг ставшего уже пресловутым и навязшего в зубах "хруста французской булки" идут столь ожесточённые, чуть ли не до массового смертоубийства, споры, стоит ли помнить, что теперь, издалека и снаружи, всё видится не так, как виделось тогда изнутри, "здесь и сейчас". Для неё-то всё это было не желанным идеалом, а самой обычной, будничной жизнью. Повседневностью. Но:

*Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!*

Вот так. И всё это не мешало Марине Цветаевой летом 1917 года пойти поперёк "революционной" волны, за что она удостоилась от "передовых" представителей тогдашней отечественной интеллигенции массовых поношений. "Стихотворение Цветаевой (... За живот, за здоровье Раба Божьего Николая...") также неприлично-кощунственное по отношению к своему же народу. Под личиной поэта открылся заурядный обыватель, тоскующий о царе", — это Иннокентий Оксёнов, весьма известный тогда пушкинист.

Вообще, Цветаева, после восторженной встречи её первого сборника, всю оставшуюся жизнь усердно пинали и писатели, и читатели — слишком уж "неправильной" она казалась. Пинали — даже вроде бы рсточая похвалы.

"Она возникает не из предшествовавших ей поэтов, а как-то прямо из-под Арбатской мостовой. Анархичность её искусства выражается и в чрезвычайной свободе и разнообразии форм и приёмов, и в глубоком равнодушии к канону и вкусу — она умеет писать так плохо, как, кажется, никто не писал" (Дмитрий Святополк-Мирский).

"Верна себе и г-жа Цветаева, продолжая упорно брать свои темы из области узко-интимной личной жизни, даже как бы похваляясь ею ("острых чувств и нужных мыслей мне от Бога не

Марина ЦВЕТАЕВА. Фото 1917 года

*В землю чёрную, питать тростник —
Невозвратно, неостановимо,
Неостановимо хлещет стих.*

Кстати, что это за "тростник" здесь возникает? Просто рифма к слову "стих"? Бросьте! У этой профессорской дочки (её отец Иван Владимирович Цветаев был создателем Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете, ныне это Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке, напротив храма Христа Спасителя), прекрасно образованной и тонко чувствующей, нет ни слова "просто так". Это даже не "мыслпящий тростник" Блеза Паскаля — вернее, не только он.

*Лучше бы тебе по Нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.*

Кто там плыл по Нилу в корзине из тростника и затем был найден царской дочерью в прибрежном тростнике? Пророк Моисей? Да, конечно же. Она и маленькому сыну радовалась точно так же: как он спит в корзине — "похож на Моисея"...

Сорок лет блуждать в пустыне, но так и не войти в землю обетованную! — это по-цветаевски.

*Заново родися —
В новую страну!
Ну-ка, воротися
На сплну коню
Сбросившему! Кости
Цель-то хотья?
Эдакому гостю
Булочки помтя
Ломаного, плотник —
Гроба не продаст!
...Той её — несчётных
Вёрст, небесных царств,
Той, где на монетах —
Молодость моя —
Той России — нету. —
Как и той меня.*

Это стихотворение 1931 года. Покинутая ею в 1922 году страна менялась до неузнаваемости, а Марина Цветаева оставалась собой — без родины, без чужбины.

*Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно,
Где — совершенно одиноко!
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелькою базарной
В дом, и не знаящий, что — мой,
Как воспитал или казарма...
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дорож — куст
Встаёт, особенно — рябина...*

Но, в конце концов, на Родину вернулась — следом за старшей дочерью и мужем Сергеем Эфроном, вместе с сыном Георгием. На гибель и вечную жизнь. И написала:

*Его и пуля не берёт,
И песня не берёт!
Так и стою, раскрывши рот:
"Народ! Какой народ!"...
Бог! Если ты и сам — такой,
Народ мой любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!*

Она пришла к этой истине сквозь все тернии своей жизни и своего творчества. Поэтому я и не доверяю вестям о самоубийстве Марины Ивановны Цветаевой 31 августа 1941 года в Елабуге.

На атаку своей страницы в Фейсбуке, что Александр Проханов считает составной частью информационно-идеологической войны против России и Русского мира, писатель и главный редактор "Завтра" отвечает новым циклом под условным названием "Покайтесь, ехидники!".

Александр ПРОХАНОВ

ПИСАТЕЛЬ ПРОХАНОВ был толстопузый и очень полный, он полнел всё больше. Он объяснял диетологу: причина этого заключалась в том, что он постоянно ел либералов. Он ел их утром, днём и вечером, вскакивал ночью, ел их ночью и искал, где бы их ещё поест. Либералы были очень калорийные, поэтому он полнел. Среди его любимых блюд были Ольга Бычкова на косточке, Ольга Журавлёва в виде вырезки с кровью, Оксана Чиж, которую подавали в виде птичьих яиц, Ксения Ларина в виде большой глубоководной рыбы, которая светилась и просвечивалась сквозз желудок писателя Проханова. Наргиз Асadowу подавали на десерт в виде эскимо на палочке, причём палочка доставала ей почти до самого горла. Майю Пешкову подавали в виде старого французского вина урожая 1861 года. Вино было терпким, в нём от старости выпадал осадок. Юрий Кобаладзе был бычьей печенью. Михаил Веллер — рыбным глазом. Было много других блюд, которые одно за другим подносили писателю Проханову, и он их поедал.

Врач рекомендовал диету, советовал воздерживаться от пищи в таком количестве и довольствоваться малым. Писатель Проханов сел на диету. Когда ему подносили Ольгу Бычкову на косточке, он отщипывал от её бёдрышка маленький кусочек и хорошо прожёвывал. Когда ему приносили кровавую

Ольгу Журавлёву, он ел только лепестки роз, которыми её обкладывали. Когда ему приносили глубоководную светящуюся рыбу Ксению Ларину, он её не ел, а гасил свет и в темноте глядел, как она светится. Юрия Кобаладзе, прежде чем съесть, долго вымачивал в уксусе, но всё равно его не ел, потому что в печени у того было много камней. Наргиз Асadowу он позволял себе немножко пососать, держась за палочку, а остальную сладкую нежную мякоть откладывал. Михаила Веллера он вообще боялся трогать, потому что глаз, когда писатель Проханов клал его в рот, начинал подмигивать. Зато Майю Пешкову он выпивал залпом, хотя и допивал в неё воду, потому что сильно пьянел от Майи Пешковой. Но диета ему не помогла, и он всё равно тучнел.

Тогда врач-диетолог порекомендовала ему стать сыроедом. Ольгу Бычкову приносили ему в сыром виде. Причём замороженную, и он делал из неё стrogанину: стёсывал с неё острым ножом тонкие лепестки. Ольгу Журавлёву он ел сырой. Сначала выпивал из неё кровь, затем медленно жевал её сухие волокна, пользуясь потом зубочисткой. Окану Чиж, которую подносили в виде птичьих яиц, ел по-особому: делал в ней маленькую дырочку и вставлял в неё трубочку, выпивал сначала желток, а потом белок. Но иногда желтка не было, потому что там уже был птенец. Евгению Марковну Альбац ест в сы-

ром виде было одно удовольствие, потому что в другом виде её вообще не подавали. Будучи сырой, она оставалась очень пикантной. Юрий Кобаладзе умудрялся где-то немного поджариться. Писатель Проханов осторожно ножичком отрезал от него жареные кусочки, сам съедая сырую часть печени, а жареную бросал собакам Шувалова, которые находились тут же под столом. У Наргиз Асadowой он съедал только палочку, само же эскимо тоже отдавал собакам Шувалова. Те ели морозеное, и у них случалась ангина. Майю Пешкову тоже отдавал собакам и сплавив их. Пьяные собаки не узнавали Шувалова и кусали его.

Но и это не помогло писателю Проханову, и он тучнел. Тогда ему предложили перейти на вегетарианскую диету. Он отказался от прежних блюд и перешёл на травяную пищу. Он ел укроп — Алексея Алексеевича Венедиктова, поливая его соком раздавленных улиток. Ел Станислава Александровича Белковского в виде мелко порезанной редиски. Если в ней открывалась червоточинка, аккуратно вырезал её ножичком. Глеб Павловский и Леонид Радзиховский были двумя разнообразными ревеня. Ест их было неприятно, писатель Проханов давился, но всё равно сглатывал. Дондурей был бамбуком, который специально привозили из джунглей.

Вегетарианская диета помогла писателю Проханову, но немного — он по-прежнему с трудом влезал в танк. Тогда ему порекомендовали перейти на пищу космонавтов. Эта пища состояла из особых пюре, паст и таблеток, которые находились в тубиках и специальных флакончиках. Он выдавливал из тубика Ольгу Журавлёву и ел её прямо в невесомости. Ольга Журавлёва выпадала изо рта и носилась по кабине МКС, и писатель Проханов ловил её специальным сачком. Ольгу Бычкову он доставал в виде кубиков и заливал её

кипятком. Ольга Бычкова терпеливо носила кипятком, потому что была котличка и мучница. Ксению Ларину он съедал в виде маленьких горьких шариков, которые принимал перед выходом в открытый космос. От шариков его немного подташнивало, но он всё равно принимал. Юрий Кобаладзе был жидкостью, но чтобы она не расплескалась, в кабине её приходилось проглатывать вместе с целлофановым пакетом. Михаил Веллер был порошком двух видов: горьким порошком и сладким. Причём горький порошок хорошо шёл с Ольгой Журавлёвой, которую можно было выдавить из тубика. А сладкий порошок можно было есть вместе с шариками Ксении Лариной. Еду, которая была Майей Пешковой, нельзя было брать на борт МКС. Писатель Проханов захватывал с собой только одну этикетку, на которой Майя Пешкова, как прелестная пастушка, держала на своей обнажённой груди виноградуную гроздь.

Писатель Проханов, когда ел либералов, съедал только их мякоть, а кости, обглаживая, кидал собакам Шувалова, и те бежали по участку и зарывали косточки в разных местах, потом забывали, где, и скупчили. Писатель Проханов извлекал из земли кости и складывал их все в ящик. В ящике накопилось много костей.

Но вот в гости к писателю Проханова пришёл Александр Глебович Невзороф. Его перстни украшали черепа, он держал в руках скелет, потому что любил кости. Он и сам был белая кость. Ещё он был чудотворец. Он увидел ящик с костями, которые были когда-то его друзьями-либералами, и сотворил чудо. Он прочитал стих Дмитрия Быкова, и кости оделись плотью. Это были воскресшие Ольга Бычкова, Ольга Журавлёва, Оксана Чиж, Наргиз Асadowа, Майя Пешкова, Ксения Ларина и Евгения Марковна Альбац. Также Юрий Кобаладзе,

Михаил Веллер, Дондурей. Все они набросились на писателя Проханова, укоряя его за то, что он их съел. Они решили судить его как врага народа. Суд проходил в Доме союзов. Зал был полон народа, а генеральный прокурор и главный обвинитель Дондурей требовал для писателя Проханова смертной казни. Зал его поддерживал и требовал покарать писателя железной рукой пролетарского закона, призывал очистить от Проханова современную литературу, чтобы в ней оставались только одни Улицкие. Требовал вычистить калёным железом предателя родины, который поддерживает связь с Марин Ле Пен.

В своём заключительном слове писатель Александр Проханов сказал, что ел либералов из лучших побуждений. Он в его глазах были лучшими людьми, и все обладали большими достоинствами. Он их ел для того, чтобы напиться этими достоинствами. Теперь он полон достоинств.

Ольга Журавлёва сказала, что ей нравилось, когда писатель Проханов выдавливал её из тубика. А Веллер заявил, что он, как порошок, требует оправдательного приговора. Наргиз Асadowа сообщила, что писатель Проханов очень нежно и осторожно втыкал в неё палочку. Писателя Проханова оправдали. Все бросились к нему на шею, начали его целовать и стали друзьями. Потом все пошли на радиостанцию "Эхос Мундис", и главный редактор станции Алексей Алексеевич Венедиктов пригласил писателя Проханова в прямой эфир. Они сели у микрофона, и Алексей Алексеевич Венедиктов стал задавать писателю Проханову разные вопросы. Со свойственной ему иронией он спросил: "А кого вы едите по утрам, мой друг?". Писатель Проханов подумал и сказал: "Тебя".

И съел его. В микрофоне что-то долго хрустело. Звукорежиссёр просил извинения у радиослушателей за временный технический сбой.